

УДК 94:82-94](100)»1914/1918»

Я. В. Галкина

Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля

МОТИВ СУДЬБЫ В РАССКАЗАХ А. ГРИНА О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Проаналізовано особливості художньої реалізації мотиву долі в оповіданнях Олександра Гріна, що стали відгуком на події Першої світової війни («Повість, завершена завдяки кулі» (1914), «Подія у квартирі пані Серіз» (1914), «Епізод у взятті форту Циклоп» (1914), «Наказ по армії» (1923)).

Ключові слова: оповідання, війна, мотив долі, вибір, подія.

Проанализированы особенности художественной реализации мотива судьбы в рассказах Александра Грина, ставших откликом на события Первой мировой войны («Повесть, оконченная благодаря пуле» (1914), «Происшествие в квартире г-жи Сериз» (1914), «Эпизод при взятии форта Циклоп» (1914), «Приказ по армии» (1923)).

Ключевые слова: рассказ, война, мотив судьбы, участь, выбор, событие.

Im Beitrag werden die Besonderheiten der künstlerischen Verwirklichung des Schicksalsmotivs in A. Grins Erzählungen analysiert, in denen sich die Ereignisse des Ersten Weltkrieges widerspiegeln («Erzählung, deren Ende einer Kugel zu verdanken ist» (1914), «Ein Vorfall in der Wohnung von Frau Series» (1914), «Episode bei der Erstürmung des Forts «Zyklop» (1914), «Armee-Befehl» (1923)).

Schlagwörter: Erzählung, Krieg, Schicksalsmotiv, Schicksal, Wahl, Ereignis.

Today literature about the World War I is associated with the writers of the «lost generation» (E. Hemingway, E.-M. Remarque, etc.). Despite the fact that Russia was one of the direct participants in the events, it is much more difficult to name the works elaborating upon this theme in Russian literature. Tendentious interpretation of the phenomenon of World War I in the history of the twentieth century contributed to ignoring some texts of Russian literature in general. Objective research approach requires a careful reading of the works about the event, as it contributes to the understanding its spiritual, moral component. The works of Alexandr Grin (Alexandr Stepanovich Grinevsky), better known to readers as the author of adventure and fantasy genre, played the important role in the process.

A. Grin is a writer with extensive experience of life observation. He worked as a sailor, a worker, a lumberjack. Serious challenge was sent by his military service (1902). But his rejection of military orders and free rebellious character

pushed the soldier Grin to desertion. He preserved the memories of the army terror during all his life.

In 1914 the military theme became an element of the works of the writer who had already been well-known in Russia. In the short stories about the war he explored the human psychology in extreme situations, in terms of the absurd reality.

It was World War I that provided the basis for the creative thinking. Though the writer did not participate in the event, he presented a specific cultural response to it. Today, this part of Grin's heritage has not actually been investigated in spite of its being important for understanding the author's worldview and significant for the understanding the literary perception of one of the 20th century tragedies. Moreover, it stipulates the Russian public opinion during the World War I.

The article studies the fate motif in A. Grin's short stories of 1914–1923. Artistic realization of this motif has been studied at the level of characters, plot, artistic space. The short stories «The Story completed by the bullet» (1914), «The incident in the apartment of Mrs. Cerise» (1914), «The incident in the capture of Fort Cyclops» (1914), «Order of the Army» (1923) have been analyzed.

The fate of the characters is constructed by means of history overlapping and its crossing, personal choice manifested in action, and the fate of the character from the «imaginary» space. As a rule, the choice of Grin's characters is grounded on a humanistic motive harmonizing the relationship between the human person and the world, even under the absurd circumstances.

Keywords: short story, war, motif of fate, destiny, choice, event.

Сегодня художественная литература о Первой мировой войне чаще ассоциируется с писателями «потерянного поколения» (Э. Хемингуэй, Э.-М. Ремарк и др.), т.е. текстами, созданными в послевоенные годы. Значительно труднее назвать произведения на эту тему в русской литературе, хотя Россия и была непосредственным участником событий. Тенденциозное осмысление феномена Первой мировой в истории XX в. способствовало тому, что часть текстов русской литературы вообще игнорировалась. Объективный исследовательский подход требует внимательного прочтения произведений об этом событии – это способствует пониманию его духовной, моральной составляющей. Значительное место в этом ряду занимают произведения Александра Грина (Александр Степанович Гриневский), более известного читателям как автора приключенческого, фантастического жанра. Произведения Грина создавались прямо в годы войны или сразу после нее и их логично считать живым откликом на события.

А. Грин – писатель с огромным опытом наблюдения жизни. Он испробовал себя в разных профессиях – от моряка до лесоруба. Серьезным испытанием стала для него полугодовая служба в армии

(1902). Неприятие армейских порядков, свободолюбивый бунтарский характер подтолкнули солдата Грина к дезертирству. Воспоминания об армейской системе как кошмарной машине Грин хранил всю жизнь.

В 1914 г. военная тема вошла в произведения уже довольно известного в России писателя. В рассказах на военную тему он исследует психологию человека в экстремальной ситуации, в условиях абсурдной реальности.

Материалом для творческого осмысления становится именно Первая мировая война, в которой писатель не участвовал, но смог представить характерную культурную реакцию на событие. Сегодня эта часть наследия Грина фактически не исследована. Однако она важна для понимания авторского мировоззрения и представляет интерес для осмысления литературного восприятия одной из трагедий XX в., это часть общественного мнения в России времен Первой мировой войны.

Цель данной статьи – рассмотреть мотив судьбы в рассказах А. Грина 1914–1923 гг., исследовать художественную реализацию этого мотива на уровне персонажей, сюжета, художественного пространства. Проанализированы рассказы «Повесть, оконченная благодаря пуле» (1914), «Происшествие в квартире г-жи Сериз» (1914), «Эпизод при взятии форта Циклоп» (1914), «Приказ по армии» (1923).

Литературовед Кирилл Кобрин справедливо заметил, что война XX в. (Первая мировая) получила характер тотальной, и таковой постепенно стала изображаться в литературе, тогда как войны предыдущих периодов воспринимались и изображались как «персональные» (вроде личной войны Пьера Безухова против Наполеона в толстовском романе) [5]. По мнению К. Кобрина, Франц Кафка – первый европейский литератор, который отразил персональную трагедию человека, попавшего в «деперсонализированную ситуацию хорошо организованного абсурда» [5]. Произведения А. Грина, вышедшие в 1914–1918 гг. и разрабатывающие военную тему в качестве фоновой, тоже затрагивают проблему деперсонализированной реальности. Но конфликт личности с такой реальностью имеет не трагический, а драматический характер. В этих историях осуществляется судьба и выбор частного, обычного человека вне политических, экономических, религиозных, национальных интересов. Небольшие по объему рассказы исключают возможность развернутого, длительного, насыщенного многими событиями сюжета, поэтому повество-

вание как правило разворачивается вокруг одного случая/события, определяющего выбор и судьбу человека (судьбу – не в «шолоховском» понимании «жизнь», но в романтически-экзистенциальном – как участь).

Война в этом случае изображается некой общей долей, в которой каждый проходит свой личный путь и доказывает право быть человеком.

Истории Грина кажутся отголоском романтического сознания начала XIX в. В перечисленных произведениях использован весь арсенал узнаваемых средств романтической поэтики, начиная с двоемирия, связующим элементом в котором является соответствующий герой, и заканчивая иронией по поводу чаемого, но недостижимого, по поводу неизменности человеческой природы

Военный фон у Грина – максимально обобщен. Автор не конкретизирует места событий, его не интересуют подробности военного быта. Но военная атмосфера передается отдельными штрихами, вполне достаточными для создания настроения. В «Повести, оконченной благодаря пуле» – это дорога к линии фронта, перестрелка в лесу. В «Происшествии в квартире г-жи де Сериз» – гребень бельгийского окопа под шрапнелью, в «Эпизоде при взятии форта Циклоп» – описание боя, разговоры в офицерских палатках, в «Приказе по армии» – «щелканье затворов» при встрече немцев и французов. Грина гораздо более волнует, что происходит у героя в душе.

Одно из характерных настроений описываемого времени уловил чешский писатель М. Брод, отметив: «Вспыхнула большая война. Настало время, по сравнению с которым все, из-за чего все мы до сих пор страдали, превратилось в какую-то сказочную страну, сверкающую розовым блеском детства» [5]. Прошлое, как представление о нормальной жизни, продолжало жить в сознании каждого в качестве мерила наступившей реальности. А. Грин выражает аналогичную мысль, используя в литературе XX в. модель двоемирия. Его герои живут одновременно в реальности военного абсурда и в реальности собственной фантазии. Для них это не столько способ бегства, сколько возможность сохранить человеческое лицо, лучше понимать происходящее и определять себя в нем.

В «Повести, оконченной благодаря пуле» главный герой – писатель Коломб, озабоченный завершением своего произведения. Самая существенная для него проблема – понять мотивировку поступка собственного персонажа. А персонаж этот – женщина-анархистка, неожиданно «предающая» идею и дело и отказывающаяся совершать

теракт. «Вживаясь» в сознание персонажа, писатель отправляется на войну, и в совершенно типичной для войны обстановке прозревает. Происходит это после его ранения навывлет в перестрелке. Коломб понял, что для его героини смерть, и почему она отказывается от убийства. Судьба Коломба благодаря его личному сознательному выбору в некой точке совпадает с судьбой литературной героини и с судьбами тысяч реальных людей, находящихся перед лицом смерти. «Она, как и он, ожидает смерти; как он, желает покинуть жизнь в несовершенном ее виде. Как он – она человек касты; ему заменила живую жизнь привычка жить воображением; ей – идеология разрушения; для обоих люди были материалом, а не целью, и оба, сами не зная этого, совершали самоубийство» [1, с. 327].

Так, совпадение индивидуального субъективного принципа и бытия обеспечивает экзистенциальное «озарение».

В «Проществии в квартире г-жи Сериз» описывается совершенно фантастическая ситуация в духе сказочных новелл Гофмана. Маг и чародей Калиостро проживает очередную сотню лет в уединении – в гималайском дворце. Летом 1914 г. он улавливает некие «сотрясения эфира» и проявляет заинтересованность происходящим [2, с. 300]. Но проникновение в суть событий, использование помощи духов требует магической взятки «высшим силам» – доброго дела. Добрым делом Калиостро становится сохранение семейного счастья влюбленной пары – «маленьких людей» из Бельгии. Муж нежной и чувствительной госпожи Сериз отправлен на фронт. Жена страшно обеспокоена. Даже на героя читаемого ею женского романа (бравого офицера) она переносит свое беспокойство о муже. Проникнув в ее нехитрые мысли, Калиостро, как и положено волшебнику, изменяет книжную реальность (сохраняет жизнь герою романа) и укрывает от снарядов находящегося в окопе господина Сериза. Спасенное «частное» счастье – доступ Калиостро к Разуму событий, к божественной мудрости.

Рассказ откровенно ироничен, так как в нем писатель, подобно фокуснику, играет штампами женской развлекательной литературы, каббалистической терминологией, заставляет духов совершать анекдотические поступки (например, превращать порох в нюхательный табак). Сентиментально-сказочная мишура и теософский пафос вуалируют банальную и вечную истину – мир стоит на добрых делах.

И великий «созерцатель» Калиостро охотно этому принципу следует. Ситуация в этом рассказе смоделирована подобно той, которая присутствует в «Повести, оконченной благодаря пуле». В еди-

ной точке сходятся судьба волшебника, книжного персонажа, «маленьких» бельгийцев и мировая история, и именно в этот момент открывается смысл последней. Участь каждого не объяснима случайностью, но и predeterminedенной ее считать нельзя. Она – результат осознанного выбора. Влюбленная в мужа госпожа Сериз молится о его спасении, «влюбленный» в «постижение начала вселенной» Калиостро совершает чудо, следуя определенному правилу. В основе выбора каждого – очевидный гуманистический мотив, позволяющий вселенной хоть на миг, но пребывать в гармонии.

В «Эпизоде при взятии форта Циклоп» А. Грин соединяет мотивы войны и игры с судьбой. Участвующие в осаде офицеры, уставшие от соседства со смертью, развлекаются игрой в карты. Один из них, Егер, формулирует нечто вроде пари: «Однако сделаем опыт, опыт в области случайности. Я, например, очень хочу проиграть сегодня все деньги, а завтра быть убитым. Уверю вас, что будет по-моему» [3, с. 307]. Дерзкое заявление объяснимо: Егер страдает от холодного письма возлюбленной, которая решила прервать отношения с ним. Писатель воспроизводит ситуацию, часто встречаемую в романтических произведениях. На стороне Егера вдруг оказывается постылое «счастье игрока», которому не повезло в любви, но сопутствует удача в картах и бою. Судьба отворачивается от него тогда, когда легкомысленная и легковерная возлюбленная, передумав, извиняется и снова благоволит своему избраннику. Егер испытывает необыкновенное счастье, а следом – беспокойство за свою жизнь, освещенную этим счастьем. Беспокойство обрывается пулей в ближайшем сражении. Читатель расстается с героем в медицинской палатке, где невозмутимые хирурги гадают, выживет ли молодой офицер, и в чем его везение – в том ли, что еще не умер, или в том, что не пришел в сознание и, возможно, умрет без боли. Врачи не знают о «внутреннем» конфликте Егера, но их финальная сентенция, банальная до пошлости, вполне отражает идею рассказа и подводит итог действию: «Так, – сказал второй, – счастье условно» [3, с. 313]. Счастье, ощущение полноты жизни – ситуативны, моментальны, они скрашивают человеческую жизнь в условиях непостижимых и бессмысленных. И человек волен выбирать, как поступить, но не волен победить зло тотальное. Судьба – не неотвратимый фатум, но и не подвластный человеку инструмент. Это чередка жизненных моментов.

Аналогичный взгляд просматривается в миниатюре «Приказ по армии», где описана встреча воюющих подразделений, французов и немцев, со случайно забредшими на обстреливаемую территорию

детьми. Повествование ведется в модусе романтической иронии, знакомой по «Происшествию в квартире г-жи Сериз»: «Великая европейская война 1914–1917 гг. была прекращена между Фиттибрюном и Виссенбургом обитательницей последнего, девицей Жанной Кароль, девяти лет и трех месяцев. Правда, эта война была прекращена не совсем, не более, как может быть, на один час и только в одном месте, – что до этого? Важно событие» [4, с. 212].

Девятилетняя девочка уподобляется спасительнице Франции Жанне д'Арк, так как факт ее присутствия остановил военные действия. Враждующие взрослые хотя бы ненадолго стали человечнее: и немцы, и французы поняли, что детей нужно срочно вывести с опасного участка, возникла ситуация кратковременного перемирия: «...Понемногу завязался разговор. Он кончился благополучно, как обычно кончаются подобные случаи непредвиденного «помешательства», стычки не произошло. Детей вывели на дорогу, приказали им идти домой» [4, с. 214]. Грин нормальное доброжелательное отношение иронично называет «помешательством», намекая на блаженство безумия, противостоящего якобы рациональному, но безлично-кошмарному миру. «Детское пространство» – единичный островок спокойствия в пространстве тотального убийства. Но одновременно это и пространство легендарной Жанны д'Арк. «Наложение» пространств и образов вновь создает возможность для гармонизации бытия и существования – на «один час и только в одном месте». Судьба детишек оказывается неразрывно сплетена с судьбой армий и всеобщей историей в веках.

«Моментальные» миры А. Грина, в которых сопряжены разнообразные реальности, являются только благодаря неисчерпанности гуманистических идеалов. Рассказы Грина на военную тематику можно считать апологией того «человеческого, слишком человеческого», что Ф. Ницше подверг критике еще в 1878 г. в одноименной книге, оставляя идеализм в удел слабым [6]. Первая мировая стала одним из самых осязаемых проявлений цивилизации «свободных умов», т.е. сознания лишенного заблуждений и слабостей, рационального и предельно прагматичного. Романтический мир А. Грина – гуманистический барьер на пути дегуманизации искусства, культуры, истории.

Библиографические ссылки

1. Грин А. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Грин. – М. : Правда, 1980. – Т. 3 : Алые паруса. Блистающий мир. Рассказы. – С. 315–327.

2. *Грин А.* Собрание сочинений : в 6 т. / А. Грин. – М. : Правда, 1980. – Т. 2 : Рассказы 1909–1915 годов. – С. 300–306.
3. *Грин А.* Собрание сочинений : в 6 т. / А. Грин. – М. : Правда, 1980. – Т. 2 : Рассказы 1909–1915 годов – С. 307–313.
4. *Грин А.* Собрание сочинений : в 6 т. / А. Грин. – М. : Правда, 1980. – Т. 4 : Рассказы. – С. 212–214.
5. *Кобрин К.* Настоящий август Франца Кафки [Электронный ресурс] / Кирилл Кобрин // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 117. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/kk16.html>.
6. *Ницше Ф.* Сочинения в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – 829 с.

Надійшла до редколегії 21.11.2014